

Рецензия на книгу: Kitts, M. (ed.) (2018) *Martyrdom, Self-Sacrifice, and Self-Immolation: Religious Perspectives on Suicide*. New York: Oxford University Press. — 360 p.

DOI: <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2021-39-2-371-379>

С конца XIX и на протяжении большей части XX в. жертвоприношение было излюбленной темой наук о религии, которую охотно фетишизировали как «серьезные» ученые вроде антропологов и социологов, так и многие авторы более легкомысленного склада — прежде всего, конечно, французы. Расплатой за это послужило то, что в качестве «объекта теории» жертвоприношения теперь сторонятся, а сам этот термин используют так, чтобы не привлекать к нему излишнего внимания. Рецензируемый сборник по факту возвращает жертвоприношению статус легитимного предмета систематического анализа — правда, в «снятом» виде, раздробляя его на несколько близких феноменов: мученичества, принесения себя в жертву и самоистребления (английское понятие *self-immolation* чаще переводят как «самоожжение», но референтный акт может свершаться как в пламени, так и в воде или иным способом). Редактором сборника выступила Марго Киттс — один из веду-

щих представителей, но, что еще важнее, менеджеров современных исследований религии и насилия¹; именно этот фрейм и позволил снова попытаться объединить под общим знаменателем «жертвы» непохожие и разрозненные феномены из множества религиозных традиций.

Помимо общей причастности к феномену жертвы, три этих понятия объединяет и то, что все они являются «изнанкой» самоубийства. Основной вопрос, которым задаются авторы сборника, можно сформулировать так: учитывая, что все религии мира относятся к «убиению себя» негативно, как и почему они наделяют священным значением, поощряют и даже предписывают некоторые его формы — мученичество, самоожжение или бессрочный пост, который кончается смертью? Дело здесь, как замечательно демонстрирует книга, в том, что внутри каждой религии идет сложная и не-

Рецензия подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

1. Так, наряду с М. Юргенсмейером и М. Джеррисоном, Киттс — составитель *The Oxford Handbook of Religion and Violence* (2014), а также редактор профильного *Journal of Religion and Violence* и книжной серии *Cambridge Elements in Religion and Violence*.

быстрая работа по различению и отделению негативного «убиения себя» от обозначенных позитивных феноменов. Исходя из этого, большинство авторов рассматривают религиозное жертвоприношение в модуле амбивалентности и оспаривания — это слово, *contestation* по-английски, здесь ключевое: оно показывает, что ни в одной традиции ничего не закреплено, в каждой ведутся споры, появляются новые смыслы и обновляются старые. Такова, вкратце, новая программа исследования жертв, которая приходит на смену равно богословскому догматизму и аисторизму рассуждений «о природе и функциях жертвоприношения»: теперь в ходу историзм, релятивизм, гибкость и фактический отказ от универсальной теории в пользу кейс-стади.

Тематически пятнадцать глав сборника можно поделить на две части. Первая имеет дело с авраамическими религиями, где жертвоприношение принимает форму мученичества или близкой к нему иудейской концепции *Киддуш ха-Шем*, «освящения Имени (Божьего)» в страданиях и гибели. Вторая часть посвящена традициям Азии — индуизму, джайнизму и буддизму, в которых речь идет скорее о «принесении себя в жертву» и «самоистреблении»; промежуточную позицию занимает представлен-

ный в ней же сикхизм с его развитой мартирологией.

В рамках вводной статьи Марго Киттс подвергает критическому анализу заявленные в названии сборника термины и представляет убедительный, однако не общепринятый до сих пор ответ на вопрос, каким образом греческий термин *μάρτυς* (свидетель) стал означать мученика в современном понимании — того, кто претерпевает страдания и умирает за свою веру. Это понятие она возводит к гомеровской «Илиаде», где *μάρτυρες* — это боги, выступающие поручителями священной клятвы и жестоко карающие ее нарушителей. В том же ключе это понятие фигурирует у Еврипида, Демосфена и прочих древних, а значение меняет даже не в Новом Завете, а позже — не ранее «Мученичества Поликарпа» во II в.² Главы 2 и 3 посвящены мученичеству в раннем иудаизме и «классическому» христианскому мученичеству; обе достаточно описательны и представляют собой краткое изложение консенсуса и основных направлений анализа, так что во втором случае подчеркиваются перформативный и гендерный аспекты. Глава 4

2. Подробнее эту генеалогию она излагает в недавней статье: Kitts, M. (2018) "The *Martys* and Spectacular Death: From Homer to the Roman Arena", *Journal of Religion and Violence* 6(2): 268–272.

сосредотачивается на двух радикальных апокалиптических НРД уже XX в. — «Ветви Давидовой» и «Небесных вратах». На их материале автор проводит весьма продуктивное различие между двумя видами миллениаристских групп — «осаждаемыми» (*assaulted*) и «хрупкими» (*fragile*), из которых первые находятся в конфликте с окружающим миром и питаются от агрессии и разрыва, а вторые замыкаются на себе и могут пойти, к примеру, на коллективное самоубийство. Именно этим различием между настроениями, и особенно их переменой, и объясняется сравнительно мирное поведение одних НРД и радикализм других.

«Исламский» блок сборника представлен тремя текстами. Глава 5, написанная Асмой Афсаруддин, посвящена понятию *шахады* в первые века ислама. Представление о том, что этот термин изначально был связан исключительно с военным мученичеством на поле боя, является, как пишет автор, ошибочным: «свидетельством» могла считаться и смерть при других особых обстоятельствах (гибель от падения стены, укуса змеи, некоторых болезней, смерть родами), и даже мирная кончина при условии праведной жизни. Конечно, лучше знакомая нам «военная» трактовка к X–XII вв. возобладала, но отзвуки этой ранней интерпретации иногда слышны до сих пор.

Тезис Афсаруддин безусловно верен и ценен, но не оригинален: те же идеи она уже многократно высказывала ранее³. Глава 6 посвящена смерти Мусы аль-Казима — седьмого имама шиитов-двунадесятников, который вступил в конфликт с Аббасидами, был заключен в тюрьму и умер, как считается, от отравления. Отталкиваясь от этого кейса, автор исследует, как шиитские богословы пытались согласовать между собой идею всеведения имамов и тот факт, что большинство из них были мучениками. Не следует ли полагать их самоубийцами, если они предвидели свою гибель, но ничего не сделали? В конечном счете, данная глава представляет собой любопытный кейс-стади, но создает впечатление, что «проблему» здесь высказывает из пальца сам автор, поскольку исламские ученые ставили ее редко — а если и ставили, то сразу же находили решение. Поскольку очевидно, что имам обладает особым знанием и самоубийцей быть не может, объяснить его смерть — дело техники.

3. См.: Afsaruddin, A. (2013) *Striving in the Path of God: Jihad and Martyrdom in Islamic Thought*. Oxford, New York: Oxford University Press; Afsaruddin, A. (2014) "Martyrdom in Islamic Thought and Practice: A Historical Survey", in D. Janes, A. Houen (eds.) (2014) *Martyrdom and Terrorism: Pre-Modern to Contemporary Perspectives*, pp. 40–58. New York: Oxford University Press.

Глава 7, посвященная джихадизму — как представляется, худшая в сборнике. Мало того, что ее автор связывает исламский терроризм исключительно с салафитами, игнорируя, например, враждующий с ними ХАМАС или тем более шиитские группы вроде бывшего «Форкана» или доныне активной «Хезболлы»; он заявляет, что называть атаки смертников «мученическими операциями» — это «эвфемизм», поскольку на самом-то деле это самоубийство, запрещенное в священных писаниях ислама. Тем самым он по факту отказывается от объективной исследовательской позиции в пользу критической, заявляя, что салафиты заблуждаются, сами придумывают традицию и вообще творят зло. Неудивительно, что статья заканчивается «говорящей» цитатой из Корана, якобы направленной против таких плохих и недобросовестных людей.

«Азиатская» часть сборника открывается двумя статьями об индуизме. Обе имеют дело со следующим парадоксом: хотя в целом самоубийство в индуизме считается кармическим проступком, в некоторых случаях оно допускается во искупление других «прегрешений» или же в религиозных целях. Подобного рода обстоятельства и формы принесения себя в жертву рассматриваются в главе 8. Особый

акцент здесь делается на ритуальных самоубийствах аскетов-саньясинов, которые топились в притоках священной реки Ганг, спрыгивали с деревьев, принимали расчленение в специальных храмах или сами себя обезглавливали, не говоря уже о традиционном самосожжении. Автор главы приводит множество великолепных примеров (чего стоит только самосожжение царя Кумарагупты I на медленном костре из сухих коровьих лепешек) и досконально рассматривает неочевидный символизм каждой из этих форм самоубийства. Глава 9 посвящена истории *сати*, которая рассматривается как образец более универсальной религиозной практики «следования в смерти» и на проверку оказывается не столь архаическим и обязательным ритуалом, как иногда ошибочно полагают. Автор демонстрирует, что на протяжении большей части своей истории принятие *сати* было добровольным, запрещалось для жен брахманов и во всяком случае вызывало жаркие споры.

Помимо прочего, уже в этих двух главах проявляется фундаментальное отличие авраамических религий от индийских. Если в христианстве или исламе первостепенное значение имеет сам акт «добровольного» принятия смерти, то в индуизме, джайнизме или буддизме намного важнее интенция — то есть надлежащее

состояние сознания, в отсутствие которого даже самое безусловное с обрядовой точки зрения самосожжение может принести дурную карму и затем повлечь неблагую форму рождения.

Далее, глава 10 посвящена обряду *саллехана* — то есть поста до смерти — в джайнизме, причем он рассматривается в русле характерной для этой религии милитантно-героической образности в целом: парадоксальным образом оказывается, что полный отказ от пищи как предельный акт ненасилия осмысливается в этой религии в терминах военной победы над аффектами. Следующий за данной главой раздел про мученичество в сикхизме представляется еще одним слабым местом всего сборника: очевидно будучи верующим, автор занимает по отношению к материалу не критическую позицию и живописует историю гонений и притеснений сикхской общины со стороны империи Моголов и современных индийских правительств. Индиру Ганди он называет «диктатором по всему, кроме названия» и, видимо, полагает ее убийство вполне справедливой и во всяком случае понятной мстью за нападение на Золотой храм в Амритсаре в 1984 г. Многие из персонажей, которые у него фигурируют как «мученики» — например Джарнайл Сингх Бхиндранвале — в других исследованиях не без причин значат-

ся как «террористы»⁴. Конечно, это объективная проблема перспективы, но именно с ней и должно работать качественное исследование, если не хочет скатиться в конфессионализм.

В целом сборник, как и следует из его подзаголовка, ограничен религией и не пытается заглянуть за ее границу. Поэтому в нем не нашлось места как обсуждению политических мотивов самосожжений в Южной Азии или Непале, так и мученичеству в рамках национальных и реформаторских идеологий, хотя сегодня эта область исследований развивается очень активно и уже обогатилась целым рядом превосходных работ⁵. Единственным исключением здесь является глава 12 про Тигров освобождения Тамил-Илама, которая, несмотря на краткость, представляет собой настоящее достижение. Ее автор, Бенджамин Шонталь, обращается к старому вопросу о том, является ли это тамильское движение «религиозным» или же «секулярным» — и можно ли, следова-

4. См., например: Juergensmeyer, M. (2017) *Terror in the Mind of God: The Global Rise of Religious Violence*, pp. 109–127. Oakland: University of California Press. 4th ed.

5. Janes, D., Houen, A. (eds) (2014) *Martyrdom and Terrorism: Pre-Modern to Contemporary Perspectives*. New York: Oxford University Press; Outram, Q., Laybourn, K. (eds.) (2018) *Secular Martyrdom in Britain and Ireland from Peterloo to the Present*. Palgrave Macmillan.

тельно, описывать организованные им атаки террористов-смертников в религиозных терминах как «мученичество» и «жертвоприношение»? Анализируя речь главы организации на «День героев» от 1997 г., Шонталь заявляет, что в ней намеренно используются двусмысленные термины, которые в зависимости от интерпретации могут переводиться по-разному (мученики/герои; священные/безупречные люди; церемонии/празднества в память о ком-то; поклоняться/отдавать должное и т.д.). Он представляет для сравнительного анализа три перевода этой речи, два собственных — максимально религиозный и максимально секулярный, — а также перевод самой организации, в котором трудные места опущены. Исходя из этого, автор утверждает, что такая амбивалентность — осознанная стратегия движения, обусловленная его стремлением привлечь как индуистов и христиан, так и светских тамильских националистов. Подобный отказ от ненужных ярлыков в пользу аккуратного эмпирического анализа — весьма продуктивный и может послужить хорошим примером для рассмотрения иных «пограничных» случаев.

Три последних текста сборника посвящены в основном буддизму. Глава 13 вновь строится вокруг амбивалентности и оспаривания: несмотря на то, что самоубийство в индийском и позднейшем

буддизме жестко осуждалось как кармический проступок, буддийские нарративы пестрят яркими образами членовредительства и самоистребления. В первую очередь речь идет о *джатаках* — то есть историях о прошлых воплощениях Будды Шакьямуни, в которых он скармливает себя голодной тигрице; вырывает себе глаза и отдает их слепому; кормит и поит страдающих духов своими плотью и кровью; сдирает с себя кожу и костным мозгом или опять же кровью записывает на ней священные тексты, используя вместо пера кости; или в течение 72 тысяч лет поджаривает на огне свои предплечья из преданности грядущему Будде. Хотя и в смягченном виде, схожие жертвоприношения практиковали и простые буддисты, выжигая себе пальцы рук и ног. Автор показывает, что любые подобные акты были сопряжены с тревогой — не утверждают ли они самость вместо того, чтобы ее уничтожить? — и описывает (двусмысленные и спорные) условия, при которых это было возможно. В главе 14 анализируется столкновение между буддизмом и даосизмом в Китае. Хотя смысл жертвоприношений в обеих религиях — преодоление смерти, буддистский антикосмический пессимизм, в котором умирают раз и навсегда, противоречил жизнеутверждающему оптимизму даосских практиков, стремившихся

ся вознестись на небеса в преображенной форме «бессмертных».

В заключительной 15-й главе речь идет о японском буддизме — прежде всего в форме амидаизма, где императив ухода в нирвану сменяется задачей переродиться в Сукхавати («Чистой Земле» будды Амитабхи). Для этого буддисты топились в море, совершали самосожжения и прыгали с деревьев. Автор показывает, что главным в подобных жертвах считалась правильная интенция — парадоксальное желание переродиться самому «на благо всех живых существ». При отсутствии такого намерения незадачливого практика ждали поражение и кара.

Подводя итог, работа дает важный «срез» актуальных исследований сразу в двух отношениях — методологическом и тематическом, делая заявку на междисциплинарность, релятивизм и понятийное разнообразие. В этом смысле она позволяет составить хорошее представление о нынешнем состоянии исследовательского поля. Еще один большой плюс — внимание многих авторов к терминам, словоупотреблению и вообще нарративной составляющей. Кроме того, в сборнике изложен обильный эмпирический материал, который может быть интересен узким специалистам по той или иной теме и полезен — для специалистов более широкого профиля.

К сборнику можно высказать и ряд критических замечаний: многие главы здесь — чисто дескриптивные или реферативные по отношению к другим исследованиям или собственным разработкам авторов. Попадаются откровенно слабые главы — про раннее христианство, джихадизм и сикхизм. Некоторые разделы здесь излишне критичны по отношению к материалу (так, в главе 3 риторика Игнатия Антиохийского зовется «христианским макинизмом»), тогда как некоторые недостаточно критичны или носят апологетический характер. Связано это прежде всего с тем, что главы про ислам, по всей видимости, написаны мусульманами, а глава про сикхизм — практикующим сикхом. Наконец, первая половина сборника значительно проигрывает второй, «азиатской» — возможно, за счет того, что индуизм, джайнизм или буддизм хуже знакомы среднему исследователю (вроде автора настоящей рецензии).

Впрочем, все эти недостатки сборника не затмевают его достоинств. Наибольшую пользу, как представляется, он способен принести в образовательном процессе как адекватное эмпирическое введение в проблематику «жертвенного» измерения религии — но будет интересен и состоявшимся ученым.

А. Зыгмонт

References

- Afsaruddin, A. (2013) *Striving in the Path of God: Jihad and Martyrdom in Islamic Thought*. Oxford, New York: Oxford University Press.
- Afsaruddin, A. (2014) "Martyrdom in Islamic Thought and Practice: A Historical Survey", in D. Janes, A. Houen (eds.) *Martyrdom and Terrorism: Pre-Modern to Contemporary Perspectives*, pp. 40–58. New York: Oxford University Press.
- Janes, D., Houen, A. (eds) (2014) *Martyrdom and Terrorism: Pre-Modern to Contemporary Perspectives*. New York: Oxford University Press.
- Juergensmeyer, M. (2017) *Terror in the Mind of God: The Global Rise of Religious Violence*, pp. 109–127. Oakland: University of California Press. 4th ed.
- Kitts, M. (2018) "The *Martys* and Spectacular Death: From Homer to the Roman Arena", *Journal of Religion and Violence* 6(2): 268–272.
- Outram, Q., Laybourn, K. (eds) (2018) *Secular Martyrdom in Britain and Ireland from Peterloo to the Present*. Palgrave Macmillan.